

УДК 342.3:342.7

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА****Е. А. Пушкарев**

Краснодарский университет МВД России,
профессор кафедры теории и истории права и государства,
доктор политических наук, кандидат юридических наук

Аннотация. В статье рассмотрены создаваемые глобальными информационными процессами угрозы суверенитету государств и отдельной личности в современном мире, а также предпринимаемые меры правового регулирования по их нейтрализации.

Ключевые слова: информатизация общества, средства массового контроля, правовая безопасность пользователей, ограничения распространения информации.

Annotation. The article examines the threats created by global information processes to the sovereignty of states and individuals in the modern world, as well as the measures taken by legal regulation to neutralize them.

Keywords: informatization of society, means of mass control, legal security of users, restrictions on the dissemination of information.

Определяющее значение в глобализирующемся мире приобретают средства массового контроля. Опасность новых информационных тенденций современного общества проявляется, с одной стороны, в усилении манипулирования массовым сознанием через контролируемые глобальные информационные потоки. С их помощью, к примеру, можно формировать положительный образ «иногo» государства и деструктивное отношение к своему, рекрутировать через сети революционно настроенные группы населения, осуществлять «ненасильственное» изменение политического режима в государствах. С другой стороны, существующая угроза тотального наблюдения через технические средства за публичной и частной жизнью человека приводит к нарастанию внутреннего конфликта в обществе. Общество разделяется на тех, кто старается не замечать усиления всеобщего наблюдения и готов ограничить свои права ради безопасности, и силы, не приемлющие ограничения своих прав перед лицом экстремизма и терроризма [1, с. 12–13, 26, 30–31].

В современном технологическом мире формируемые из «электронных следов» базы персональных данных активно используются государственными учреждениями и транснациональными компаниями в коммерческих, социальных, правоохранительных и политических целях. Вопросы безопасности пользователей сети Интернет нередко становятся предметом громких судебных дел, где истцами выступают отдельные частные лица различных государств,

а ответчиками «IT-гиганты» (Google, Apple, Microsoft и другие), фиксирующие передвижения, покупки, интересы, режим дня и иные действия лиц.

Принцип свободы распространения информации на практике нередко ограничивается правовым регулированием в государствах. Отказы от предоставления правоохрнительным органам персональной информации, от ее удаления, от расположения серверных хранилищ на территории государства, как правило, приводят к локальной блокировке интернет-ресурсов «IT-гигантов», наложению крупных штрафов.

Глобальные базы данных, хранящие полную историю жизнедеятельности лиц, могут негативно сказываться на реализации гражданами своих социальных и политических прав. Наличие у гражданина низкого кредитного рейтинга становится препятствием для пользования банковскими продуктами и выезда за пределы страны. Совершение гражданином правонарушений ограничивает возможность его трудоустройства в государственные и иные организации, получения образования в некоторых учебных заведениях, а также может сказаться на реализации прав близкими родственниками. Введение электронных систем голосования вступает в конфликт с тайной волеизъявления избирателей. В Китае, например, на основании комплекса данных введена система «социального кредита» — деления граждан на «плохих» и «хороших» по балльной системе. Различные действия лица могут как понижать, так и повышать его общий рейтинг, в дальнейшем предопределяющий его социальные возможности. Разумеется, подобные инициативы стимулируют лиц к социально полезному поведению. Однако использование подобных все контролирующих государственных систем должно предусматривать разветвленные реабилитирующие показатели, сроки действия негативных показателей, чтобы нивелировать угрозы раскола общества и прерывания развития личности в современном мире.

В современную эпоху возрастает интерес к трансгуманистическому направлению развития общества и человека, призванному с помощью технологий расширить умственные и физические возможности человека, увеличить продолжительность его жизни. Однако сторонники права индивида на безграничное совершенствование встречают и жесткую критику. В частности, оппонентов настораживает вероятность захвата искусственным разумом государственной власти, мирового господства и дальнейшее манипулирование им человеческим обществом. Также вмешательство передовых технологий в человеческое сознание называют аморальным и противоречащим религиозным убеждениям [2, с. 34–35].

Несмотря на довольно резкую критику, следует согласиться с неизбежностью трансгуманистического будущего, где описанные критиками угрозы будут разрешены в ходе общественного диалога и выработки принципов биоэтики.

Тем более это будущее уже наступает. Транснациональные корпорации одна за другой с 2022 года запускают самообучающиеся интеллектуальные системы — нейросети (ChatGPT, ChatSonic, Poe, Rytr, Neeva, Claude), круг решаемых задач которыми постоянно расширяется. Нейросети способны генерировать (обобщать) тексты, изображения, выдавать идеи, вести осознанный диалог. Разумеется, подобные нейросети еще более сузят рынок человеческого малоквалифицированного труда.

В целях сохранения культурной идентичности первостепенное значение приобретает развитие русскоязычного сектора в Интернете, пропаганда в нем традиционно-нравственных форм поведения. Ценностно-нормативную основу формируемой российской идеологической системы, по выражению О. Ф. Волочаевой, составляет гибрид элементов царских и советских эпох, разбавленных проблематикой постмодерна, а именно православие, имперскость, вертикаль власти и патриотизм [1, с. 14]. В то же время культивирование традиционных элементов общества не должно вступать в конфликт с общемировой информационной тенденцией, отрицать многообразность современного мира и противостоять ей, а призвано занять свое значимое место в культурной самоидентификации современной личности.

Вопросы соотношения свободы распространения информации и пределов (возможности) ее ограничения являются особо актуальными в цифровую эпоху. Российская Федерация как правопреемница Советского Союза и Российской империи имеет большой исторический опыт ограничения распространения деструктивной политической информации, то есть цензуры. Более того, отечественный опыт кардинально не отличается от генезиса общемировой практики. Изменялись лишь средства ее ограничения, а общие методы остаются неизменными.

Как известно, в средние века вопрос религиозной веры был определяющим в условиях объединения княжеств Древней Руси. Ручная перепись религиозных текстов приводила к необходимости ревизии их содержания на предмет соответствия церковным православным догматам, унификации обрядов и толкования. Рукописи подлежали корректировке или уничтожению. Списки отреченных книг передавались церковной властью на соблюдение книготорговцам и содержателям библиотек, закреплялись нормативными актами светской власти. Иконопись также имела цензурные ограничения «описывать догадками» и допускалась только при обучении ею «одобренными мастерами» [3, с. 14–16].

В Новое время с развитием книгопечатания, ввоза типографской продукции из-за границы цензура уже стала иметь две формы: предварительную и последующую. Павел I цензурные запреты активно распространял и на быт подданных. Указами запрещался определенный покрой и цвет одежды,

употребление в присутственных местах слов «общество», «граждане», «отечество», ассоциировавшийся с Французской революцией. Николай I, взошедший на престол под выстрелы декабристов расширил и забюрократизировал круг объектов цензуры. Цензуре подлежали уже карты, картины, музыкальные ноты. Подробно была конкретизирована предметная область цензуры: от против власти до ослабления ее почтения, неодобренная преждевременная инициативность, противное «духу общественного устройства и тишины» [3, с. 16–20].

В советскую эпоху цензура была неотъемлемой частью всеобщего образования и монополизированного государством книгопечатания, радиовещания и телевидения. В купе с жесткими мерами ответственности цензура позволяла на многие десятилетия распространять единую идеологию не только в общественной внутрисоюзной сфере, но и во всех составляющих быта граждан.

В современной России отмечается тенденция возвращения былого государственного контроля за средствами массовой информации как традиционными (телевидение), так и передовыми (интернет, социальные сети). Отказавшись от европейского опыта «политкорректной самоцензуры», правительство России отдает предпочтение более активной китайской многоуровневой системе регулирования информационной сферы.

Широко известный китайский Great Firewall представляет собой набор фильтров, ограничивающих доступ к не национальному сегменту интернета на территории страны. «Внутренний» же интернет имеет жесткое правовое регулирование, установленное для новостных служб. Также продвигаются программы этической самодисциплины в интернете, привлечения населения к мониторингу и выявлению запрещенной информации в нем. Формированием общественного мнения в Китае занимается сеть правительственных интернет-комментаторов. Под видом обычных пользователей они вступают в дискуссии и продвигают разработанные отделами пропаганды текстовки [4, с. 118–121].

Таким образом, поспевающее за прогрессом правовое регулирование правительств не всегда способно адекватно и своевременно среагировать на возникающие угрозы из-за сложности прогнозирования влияния прорывных узкоспециальных информационных технологий на всю сферу общественных отношений. Несмотря на то, что транснациональные IT-корпорации гибко подстраиваются под законодательные ограничения различных государств, значение последних падает. Актуальным становится вопрос развития межгосударственного правового регулирования и выработки межнациональных норм информационной этики.

1. Волочаева О. Ф. Политические процессы в современном информационном обществе: новые акторы и векторы развития : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / Пятигор. гос. лингвист. ун-т. Пятигорск, 2015. 48 с. [Вернуться к статье](#)
2. Комаров С. А., Воробьев С. М. Информатизация и государственно-организованное общество в формационном измерении // Теория государства и права. 2019. № 4 (16). С. 25–37. [Вернуться к статье](#)
3. Иванова О. С. Развитие института цензуры в дореволюционной России // Вестник. Государство и право. 2021. № 4 (31). С. 14–21. [Вернуться к статье](#)
4. Вильданов Р. Р., Кутушева Э. Н. Система государственного регулирования Интернета в Китайской Народной Республике // Вестн. УГНТУ. Наука, образование, экономика. Сер. Экономика. 2021. № 3 (37). С. 115–122. [Вернуться к статье](#)